

потенциально схизмогеническим взаимоотношением того или другого типа. Анализ многочисленных систем этого типа крайне обязателен, и в особенности нам нужно побольше узнать о системах (например, военных иерархиях), в которых искривление личности в средних слоях иерархии модифицируется вследствие того, что индивидам дается возможность проявлять уважение и послушание во взаимоотношениях с высшими группами, проявляя в то же время требовательность и гонор в обращении с подчиненными;

д) при нынешней ситуации в Европе существует еще и другая возможность — особый случай контроля посредством отвлечения внимания на внешние обстоятельства. Возможно, люди, ответственные за политику классов и наций, могли бы осознать те процессы, которыми они играют, и установить сотрудничество в попытках разрешить проблемы. Это, видимо, маловероятно, поскольку антропологии и социальной психологии недостает необходимого престижа, чтобы давать советы, а без таких советов правительства будут скорее продолжать реактивно отвечать на реакции друг друга, нежели задумываться об обстоятельствах.

21. В заключение можно обратиться к проблемам администратора, столкнувшегося с «черно-белым» культурным контактом. Первая его задача — решить, какой из конечных результатов, схематично описанных в параграфе 8, желателен и может быть достигнут. Это решение он должен принять без всякого лукавства. Если он выбирает слияние, он должен изо всех сил стараться предпринимать каждый шаг таким образом, чтобы это способствовало тем условиям согласованности, которые приведены (как проблемы для изучения) в параграфе 10. Если он решает, что обе группы необходимо удержать в какой-либо форме динамического равновесия, он должен стараться установить такую систему, в которой бы разные возможности схизмогенеза должным образом компенсировали или уравновешивали друг друга. Но на каждом этапе в схеме, которую я обрисовал, возникают проблемы. Они должны быть изучены профессиональными учеными и которые, будучи решенными, внесут вклад не только в прикладную социологию, но и в самые основания нашего понимания существования людей в обществе.

Перевод В.Г.Николаева

ЭРВИНГ ГОФФМАН

«Я» И ДРУГОЙ*

От переводчика

Эрвинг Гоффман (1922–1983) — американский социолог канадского происхождения, признанный классик социологии второй половины XX века, подлинный мастер микросоциологического анализа. Область влияния его идей не ограничивается одной только социологией, а простирается гораздо шире; его пронизательный анализ взаимодействия «лицом к лицу» в повседневной жизни оказал и продолжает оказывать существенное влияние на многочисленные смежные с социологией дисциплины (антропологию, психологию, психиатрию, коммуникативистику, лингвистику, криминалистику и т.д.). Больше всего Гоффман известен как основоположник так называемого «социально-драматургического» подхода в социологии и как автор книги «Представление себя в повседневной жизни» (1959), в которой получила развитие концепция «управления впечатлениями»¹.

По правде говоря, некоторые основания выделять в интеллектуальной биографии Гоффмана именно эти стороны есть, в частности, упомянутая книга выдержала из всех его книг наибольшее число переизданий, в одно время переиздавалась практически ежегодно, а ее совокупный тираж превысил все мыслимые и немыслимые для научной литературы пределы, уже в 1980 году перевалив за полмиллиона (!) экземпляров (вообще, Гоффман — один из немногих социологов, чьи книги неизменно становились бестселлерами в самом прямом смысле этого слова). При всем при том следует сказать, что упомянутое расхожее представление о Гоффмане слишком сужает, принижает и упрощает общую сумму того, чем он занимался, и того, что он сделал. Не пытаясь выполнить невыполнимую задачу, а именно резюмировать в уз-

* Перевод выполнен В.Г.Николаевым по изданию: Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. NY.: Simon & Schuster, Inc., 1963. P. 129–139.

¹ Мы рады отметить, что совсем недавно издательство Канон-пресс выпустило русский перевод этой книги (См.: Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000).

Гоффман Эрвинг (1922–1982) — американский социальный ученый, представитель символического интеракционизма.

ких рамках предисловия к публикации научную биографию и интеллектуальный вклад Гоффмана, ограничимся библиографией (нужно заметить, до крайности скудной) отечественных работ, в которых о нем можно прочесть:

1. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999. С. 187–246.
2. Кравченко Е.И. Мужчина и женщина: взгляд сквозь рекламу // Социологические исследования. М., 1993. № 2. С. 117–131.
3. Кравченко Е.И. Социологическая концепция Э.Гоффмана // Современная американская социология. М.: Издательство Московского университета, 1994. С. 157–179.
4. Кравченко Е.И. Эрвин Гоффман. Социология лицедейства. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 222 с.
5. Кравченко Е.И. Творя и познавая себя... (Социальная драматургия Эрвина Гоффмана) // Социологические исследования. М., 1993. № 11. С. 58–66.
6. Критика современной буржуазной теоретической социологии. М.: Наука, 1977. С. 85–94.
7. Николаева Е.И. Исследование ритуальных аспектов повседневного взаимодействия в работах Э.Гоффмана // Культурология. XX век / Дайджест. М.: ИНИОН РАН, 1997. Вып. 1. С. 50–102.
8. Николаева Е.И. Стилистические и методологические особенности исследований Э.Гоффмана // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. М.: ИНИОН РАН, 1996. № 3. С. 12–49.

Вниманию читателя предлагается четвертая глава книги Э.Гоффмана «Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью» (1963). В ней затрагивается проблема взаимоотношения между нормой и отклонением, отстаивается точка зрения, что они тесно друг с другом связаны и образуют две стороны одного и того же. Эта идея, казалось бы, давно уже утвердившаяся в социологии и ставшая даже чем-то само собой разумеющимся, не так уверенно принимается и проводится, когда доходит дело до реального рассуждения или исследования. Став чуть ли не банальной на вербальном уровне, она остается чуть ли не абсолютно внешней для практики, в которой, как правило, успешно игнорируется. Данная публикация задумана, в частности, и с тем, чтобы внести свой скромный вклад в преодоление этого разрыва.

В.Г.Николаев

* * *

В этом очерке речь пойдет о ситуации стигматизированного человека и его реакции на то положение, в котором он находится. Чтобы поместить складывающуюся при этом рамочную структуру в надлежащий понятийный контекст, полезно будет рассмотреть под разными углами зрения понятие девиации, которое служит мостом, связывающим изучение стигмы с изучением остального социального мира.

Девиации и нормы

Редкие и драматичные отклонения могут счесть наиболее подходящими для проводимого здесь анализа. Между тем, представляется, что экзотическое отличие от других полезнее всего трактовать лишь как средство, позволяющее осознать допущения относительно идентичности, которые обычно столь полно оправдываются, что ускользают от осознания. Кроме того, могут подумать, что установившиеся меньшинства вроде негров и евреев могут предоставить нам наилучшие объекты для такого рода анализа. Но это легко могло бы привести к диспропорциям в толковании. С социологической точки зрения, центральным вопросом, касающимся этих групп, является их место в социальной структуре; обстоятельства, с которыми сталкиваются эти люди во взаимодействии лицом к лицу, — только часть проблемы, причем такая, которую и саму нельзя понять полностью, если не обратиться к истории, политическому развитию и текущей политике данной группы.

Также возможно ограничить анализ лицами, которые обладают изъяном, вносящим дискомфорт едва ли не во все их социальные ситуации, ведя в итоге к тому, что эти неудачники формируют значительную часть своей Я-концепции реактивно, в рамках своего ответа на это незавидное положение¹. В этом очерке аргументация иная. Даже самый удачливый из нормальных будет, скорее всего, обладать своим наполовину скрытым изъяном, а для каждого маленького изъяна всегда найдется социальное событие, когда он будет вырастать до угрожающих размеров, создавая позорное расхождение между виртуальной и актуальной социальной идентичностью. Временами ненадежный и постоянно нена-

¹ Лемерт (см. Lemert E. Social Pathology. NY, McGraw-Hill Book Co, 1951. P. 75 и далее) дал этому название «вторичная девиантность».

дежный образуют, стало быть, единый континуум, а их ситуация в жизни анализируема с помощью одной и той же рамочной структуры. (Поэтому люди, обладающие лишь незначительным несходством с другими, обнаруживают, что понимают структуру ситуации, в которую помещены полностью стигматизированные, — при этом часто приписывая эту симпатию глубинам человеческой природы, а не изоморфизму человеческих ситуаций. Полностью и зримо стигматизированные должны, в свою очередь, испытывать особое унижение от знания того, что они носят свою ситуацию на себе, как нарукавную повязку, что чуть ли не каждый встречный может проникнуть в самую суть их затруднительного положения). Предполагается, стало быть, что для понимания нашего отличия от других надо смотреть не на отличное, а на обычное. Вопрос социальных норм определенно имеет центральное значение, но предметом интереса могли бы стать не столько необычные отклонения от обыденного, сколько обыденные отклонения от обычного.

Может быть принято в качестве допущения, что необходимым условием социальной жизни является наличие у всех участников одного и того же набора нормативных ожиданий, когда нормы поддерживаются отчасти потому, что они инкорпорированы каждым. Когда нарушается правило, будут предприниматься восстановительные меры; процесс причинения ущерба прекращается, а ущерб возмещается либо контролирующими инстанциями, либо самим виновником.

Между тем нормы, с которыми мы имеем дело в этой статье, касаются идентичности или бытия, а, следовательно, они особого рода. Неудача или успех в их поддержании оказывают самое прямое воздействие на психологическую цельность индивида. В то же время просто желания придерживаться нормы, то есть простой доброй воли, здесь недостаточно, так как индивид во многих случаях не обладает непосредственным контролем над собственным уровнем поддержания нормы. Это вопрос состояния, в которое индивид попадает, а не его воли; это вопрос соответствия, а не уступчивости. Только введя допущение, что индивид должен знать и осознанно соблюдать свое место, можно найти полноценный эквивалент социального состояния индивида в волевом действии.

Далее, в то время как некоторые из этих норм — зречность и грамотность — могут обычно поддерживаться вполне адекватно большинством лиц в нашем обществе, есть и другие нормы, например, связанные

с физической привлекательностью. Они приобретают форму идеалов и устанавливают стандарты, которым едва ли не каждый на том или ином этапе своей жизни не соответствует. И даже когда дело касается достигаемых в широком масштабе норм, их множественность имеет следствием дисквалификацию многих людей. Так, для Америки есть только единственный тип идеального мужчины, которому за себя не стыдно: молодой, женатый, белый горожанин с Севера, гетеросексуал, протестант, отец, имеющий университетское образование и полную занятость, с хорошей комплекцией, должным весом и ростом, не так давно поставивший спортивный рекорд. Каждый мужчина-американец склонен поглядывать на мир с этой точки зрения, и, в частности, в этом смысле можно говорить о наличии в Америке общей системы ценностей. Всякий мужчина, которому не удастся соответствовать чему-то из перечисленного, склонен — по крайней мере, в какие-то моменты — видеть себя недостойным, несовершенным и ущербным; временами он, вероятно, будет пропускать это мимо внимания, а иногда будет заставлять себя за тем, как извиняется или агрессивно себя ведет в связи с известными аспектами его самого, которые, насколько он знает, видимо, считаются нежеланными. Общие ценности идентичности, принятые в обществе, могут быть нигде не воплощены полностью, и вместе с тем могут отбрасывать своего рода тень на столкновения, встречающиеся повсюду в повседневной жизни.

Более того, здесь замешано нечто большее, нежели нормы, касающиеся несколько статичных статусных атрибутов. Суть дела не просто в зримости, а в прямо-таки навязчивой зримости; это значит, что провал в поддержании многих малозаметных норм, занимающих важное место в этикете коммуникации лицом к лицу, может иметь определяющие последствия для приемлемости нарушителя в социальных ситуациях. А, следовательно, нет большой пользы в табуировании числа индивидов, страдающих от того неприятного положения, которое описано в этой книге. Как предположил однажды Лемерт, это число было бы таким высоким, каким бы мы сами захотели его сделать²; а если добавить сюда еще тех, на ком лежит клеймо тайного изъяна, и тех, кто когда-то пережил подобную ситуацию или обречен, если не по другой причине, то хотя бы в силу надвигающейся старости, ее пережить, то суть

² Lemert E. Some Aspects of a General Theory of Sociopathic Behavior // Proceedings of the Pacific Sociological Society, Stage College of Washington, XVI (1948). P. 23–24.

дела уже не в том, есть ли у человека собственный опыт переживания клейма, потому что он у него есть, а скорее в том, со сколь многими его разновидностями ему пришлось столкнуться в собственном опыте.

Тогда можно сказать, что нормы идентичности плодят девиации в такой же степени, как и конформность. Два типичных решения в этой нормативной неприятной ситуации уже назывались. Одно решение касалось категории лиц и состояло в том, чтобы поддерживать норму, но при этом определяться самими собой и другими в качестве неподходящей категории для осуществления этой нормы и персонального воплощения ее на практике. Второе решение касалось индивида, который не может поддержать норму идентичности, и заключалось в его самоотчуждении от сообщества, придерживающегося этой нормы, или в уклонении от развития привязанности, прежде всего, к сообществу. Это решение, разумеется, дорого обходится как обществу, так и индивиду, пусть даже оно все время в небольших порциях применяется.

Процессы, детально описанные здесь, образуют в сумме третье основное решение проблемы неподдержанных норм. Посредством этих процессов общий фундамент норм может поддерживаться далеко за пределами круга тех людей, которые полностью их реализуют; речь, разумеется, идет о социальной функции этих процессов, а не об их причине или их желательности. Имеются в виду обходные внимание и сокрытие, которые представляют для исследователя особый случай применения искусства управления впечатлениями — искусства, имеющего основополагающее значение в социальной жизни, — благодаря которому индивид осуществляет стратегический контроль над образом самого себя и своих продуктов, который другие тщательно из него собирают. Также тут замешана некоторая форма молчаливого сотрудничества между нормальными и стигматизированным: девиатор может позволить себе остаться приверженным норме, поскольку другие старательно уважают его тайну, чутко уклоняются от ее раскрытия и обходят вниманием свидетельства, мешающие делать секрет из скрываемого обстоятельства; эти другие, в свою очередь, могут позволить себе раздвинуть рамки этой тактичности, поскольку стигматизированный будет по доброй воле воздерживаться от выведения своих притязаний на принятие за тот предел, который нормальные находят для себя комфортным.

Нормальный девиант

Отсюда должно быть видно, что управление стигмой — общая черта общества, процесс, происходящий везде, где есть нормы идентичности. Идет ли речь о значительном отличии, традиционно определяющемся как позорное клеймо, или о пустяковом отличии, которое пристыжаемому человеку тяжело осознавать, везде приводятся в действие одни и те же элементы. Следовательно, можно заподозрить, что роль нормального и роль стигматизированного — части одного комплекса, скроенные по одной и той же мерке. Конечно, исследователи с психиатрической ориентацией часто указывали на патологические следствия самоуничижения, равно как утверждали, что предубежденность в отношении стигматизированной группы может быть формой болезни. Эти крайности, однако, нас не интересовали, поскольку образцы (patterns) реакции и адаптации, рассматриваемые в этом очерке, кажутся полностью понятными в понятийных рамках нормальной психологии. Проще всего можно допустить, что люди с разными стигмами находятся в существенно схожей ситуации и реагируют на нее существенно схожим образом. Приветливый аптекарь мог сплетничать с соседями, и поэтому соседние аптекарские магазины избегали люди, ищущие всевозможного рода товары и медикаменты, — люди, удивительно разные и не имевшие между собой ничего общего, кроме потребности в контроле над информацией. И, во-вторых, можно также допустить, что стигматизированный и нормальный имеют один и тот же ментальный склад, и он с необходимостью совпадает со стандартным для нашего общества; поэтому тот, кто может играть одну из этих ролей, обладает всем необходимым оснащением для разыгрывания другой, и на самом деле в связи с той или иной стигмой у него, вероятно, уже сформировался некоторый опыт в делании этого. Но что важнее всего, само понимание *постыдных* отличий принимает сходство в отношении решающих представлений — представлений, касающихся идентичности. Даже когда индивид обладает совершенно ненормальными чувствами и мнениями, он, скорее всего, будет испытывать совершенно нормальные тревоги и пользоваться совершенно нормальными стратегиями в своих попытках скрыть эти аномалии от других, что видно на примере ситуации бывшего пациента психиатрической больницы:

«Одна из трудностей связана со смыслом «разумного трудоустройства». Пациенты иногда неспособны, но еще чаще не расположены объ-

яснять, почему какая-то конкретная работа их «не устраивает» или для них невозможна. Один мужчина средних лет так и не смог заставить себя объяснить, что он настолько боится темноты, что настаивает, чтобы в спальне с ним жила его тетка, и что он, вероятно, не смог бы работать там, где зимой ему придется возвращаться домой в темноте в одиночку. Он пытается побороть этот страх, но оказывается в состоянии физического коллапса, если его оставляют на ночь одного. В таком случае — а есть и много других — страх бывшего пациента перед осмеянием, презрением или грубостью мешает ему объяснить реальную причину его отказа от работы или нежелание оставаться на рабочем месте, которое ему предложили. После этого на него легко могут навесить ярлык тунеядца или нетрудоспособного, что, скорее всего, приведет его к финансовой катастрофе³.

Аналогичным образом, когда человек в годах вдруг обнаруживает, что не может вспомнить имена некоторых своих ближайших друзей, он может стесняться появляться в публичных местах, где имеет шанс с ними встретиться, давая тем самым иллюстрацию неудобного положения и плана действий, из которых вытекают человеческие способности, не имеющие ничего общего со старением.

Таким образом, если стигматизированного называть девиантом, то лучше уж было бы его назвать *нормальным девиантом*, по крайней мере, постольку, поскольку его ситуация анализируется в представленной здесь рамке.

Есть прямые свидетельства, касающиеся этого единства «я» и «другого», «нормального» и «стигматизированного». Например, лица, вдруг оказавшиеся избавленными от стигмы, скажем, в случае удачной пластической операции, по всей вероятности, уже в самом скором времени могут быть увидены самими собой и другими как сменившие свою личность — сменившие ее в направлении приемлемого⁴, — точно так же, как и те, кто неожиданно приобрел какой-то дефект, могут сравнительно быстро пережить изменение во внешней личности⁵. Эти воспринимаемые изменения, вероятно, являются результатом помещения ин-

³ Mills E. Living With Mental Illness: A Study In East London. London: Routledge and Kegan Paul Ltd. 1962. P. 105.

⁴ Macgregor F. Facial Deformities And Plastic Surgery. Springfield, Ill.: Charles C. Thomas. 1953. P. 126–129.

⁵ Ibid. P. 110–114.

дивида в новые отношения с изменчивыми обстоятельствами принятия во взаимодействии лицом к лицу, с вытекающим отсюда использованием новых стратегий адаптации. Важные дополнительные свидетельства дают социальные эксперименты, в которых испытуемые сознательно приобретают (разумеется, временно) какой-либо дефект, например, частичную глухоту, и оказывается, что они спонтанно проявляют реакции и используют средства, обнаруживаемые у людей, действительно имеющих соответствующие недостатки⁶.

Следует упомянуть еще один факт. Поскольку изменение, переводящее из стигматизированного статуса в нормальный, происходит, предположительно, в желаемом направлении, понятно, что такое изменение, когда оно происходит, может быть психологически поддержано индивидом. Однако крайне трудно понять, как индивиды, поддерживающие внезапное превращение своей жизни из жизни нормального в жизнь стигматизированного, могут психологически пережить это изменение; между тем, они очень часто это делают. То, что могут поддерживаться оба типа трансформации — но в особенности последний, — свидетельствует о том, что стандартные способности и обучение снабжают нас всем необходимым, чтобы справляться с обеими возможностями. И как только эти возможности усвоены, из этого, увы, с легкостью вытекает и все остальное. Индивиду, стало быть, не составляет особого труда усвоить, что он выходит за все границы или что он не выходит ни за какие границы после того, как раньше за них выходил; для него это лишь новая настройка в старой рамке соотношения и детальный самоотчет о том, о чем он уже и так знал раньше как обитающий в других. А, следовательно, болезненность внезапной стигматизации может быть вызвана не замешательством индивида по поводу своей идентичности, а его слишком хорошим знанием того, чем он стал.

По ходу времени, стало быть, индивид способен исполнять обе партии в драме «нормальный—девиант». Однако нужно понимать, что даже застигнутый в тюремной клетке мимолетного социального мгновения, индивид может быть способен разыгрывать оба шоу, демонстрируя не только общую способность поддерживать обе роли, но и детальное знание, и самообладание, необходимые для текущего

⁶ Meyerson L. Experimental Inquiry: An Approach to the Dynamics of Physical Disability // Journal of Social Issues, IV (1948). P. 68–71. См. также Griffin J.H. Black Like Me. Boston: Houghton Mifflin. 1960.

осуществления требуемого ролевого поведения. Этому, конечно, способствует тот факт, что роли стигматизированного и нормального не просто взаимодополнительны; в них, кроме того, проявляются удивительные параллели и сходства. Исполнители каждой роли могут отказываться от контакта с другим в качестве средства приспособления; каждый может чувствовать, что не до конца принят другим; каждый может чувствовать, что за его поведением очень пристально следят — и не ошибаться в этом чувстве. Каждый может держаться «сам по себе», просто ради того, чтобы избежать встречи с проблемой. Кроме того реально существующие асимметрии или различия между этими ролями часто удерживаются в таких пределах, чтобы это способствовало выполнению общей и решающей задачи сохранения развивающейся во времени социальной ситуации. Восприимчивость к роли другого должна быть достаточной для того, чтобы в том случае, когда один из пары «нормальный—стигматизированный» не использует некоторые адаптивные тактики, другой знал, каким образом ему следует вмешаться, и принял эту роль. Например, стоит стигматизированному потерпеть неудачу в представлении своего недостатка как дела само собой разумеющегося, и эту задачу может взять на себя нормальный. А когда нормальные пытаются тактично помочь стигматизированному справиться с его затруднениями, он может, скрипя зубами, благодарно принять эту помощь из уважения к их добрым побуждениям.

Свидетельств разыгрывания двуглавых ролей предостаточно. Так, в шутку или всерьез люди переходят, причем переходят в обоих направлениях, в стигматизированную категорию и из нее. Другой источник свидетельств — психодрама. Этот вид «терапии» исходит из того, что душевнобольные и другие лица, не укладывающиеся в нормальные рамки, могут на сцене переключаться с одних ролей на другие и разыгрывать роль нормального перед человеком, исполняющим их роль перед ними; и они на самом деле могут разыгрывать этот театр без лишних подсказок и с вполне приемлемой компетентностью. Третий источник свидетельств того, что индивид может одновременно поддерживать контроль над ролью как нормального, так и стигматизированного, мы находим в закулисной подшучивании. Нормальные, когда ведут разговоры между собой, «промыывают косточки» стигматизированному типу. Но что еще интереснее, и стигматизированный в схожих обстоятельствах набрасывается на нормального, как на самого себя. Он в шутку ра-

зыгрывает сцены унижения, в которых кто-то из таких, как он, играет роль нормальной из нормальных, тогда как сам он на какое-то мгновение имитирует комплементарную роль, просто чтобы излить ярость в косвенном бунтарстве. Частью этого печального удовольствия будет несерьезное употребление клеймящих терминов обращения, которые обычно табуированы в «смешанном» обществе⁷. Здесь следует еще раз повторить, что этот вид подшучивания, используемый стигматизированным, демонстрирует не столько своеобразное хроническое дистанцирование индивида от самого себя, сколько тот более важный факт, что стигматизированный человек, прежде всего, такой же, как и любой другой, обученный видеть людей вроде себя глазами других и отличающийся от других прежде всего тем, что обладает особой причиной сопротивляться унижению клеймом в их присутствии и особой лицензией давать ему выразиться в их отсутствие.

Особый случай ненавязчивого употребления самоуничижительного языка и стиля поведения свойствен профессиональным представителям этой группы. Представляя свою группу перед нормальными, они могут образцовым способом олицетворять идеалы нормальных, будучи отчасти выбранными в качестве способных это делать. Однако, собираясь на социальных мероприятиях в своем кругу, они могут чувствовать особое обязательство показать, что они не забыли обычаи группы и помнят свое место, а потому могут пользоваться на сцене родным «туземным» диалектом, жестикულიцией и экспрессией, создавая юмористическую карикатуру на свою идентичность. (Тогда члены аудитории могут диссоциировать себя от того, частицей чего они все еще обладают, и идентифицироваться с тем, чем они еще в полной мере не стали). Эти представления (performances), однако, часто имеют приглаженный и ухоженный аспект; что-то было ясно заключено в скобки и поднято на уровень искусства. Во всяком случае, в одном и том же пред-

⁷ Например, относительно «чернокожих» см.: Johnson J.W. The Autobiography of an Ex-coloured Man. rev. ed. NY: Hill and Wang. American Century Series, 1960. P. 92. Об употреблении слова «чокнутый» душевнобольными пациентами см., например: Belknap I. Human Problems of a State Mental Hospital. New York: McGraw Hill Book Company, 1956. P. 196; а также Kerkhoff J. How Thin the Veil. New York: Greenberg, 1952. P. 152. Дэвис (Davis F. Deviance Disavowal // Social Problems. Vol. 9. 1961. P. 130–131) приводит примеры, касающиеся людей с физическими недостатками, отмечая, что употребление этих терминов нормальными будет служить признаком того, что нормальные ведут себя заносчиво.

ставителе регулярно обнаруживается способность быть более «нормальным» в манерах поведения, чем большинство членов его категории, ориентирующихся в этом направлении, и в то же время он может более умело владеть «туземной» идиомой, чем те из его категории, которые ориентированы в этом направлении. И если представитель не обладает этой способностью управляться с двумя своими лицами, он будет оказываться под некоторым давлением, побуждающим его эту способность развить.

Стигма и реальность

До сих пор утверждалось, что основную роль следует отдавать расхождению между виртуальной и актуальной социальной идентичностью. Особо подчеркивалось управление напряжением и управление информацией, то есть то, как стигматизированный индивид может преподнести другим рискованное «я», поддающееся злоупотреблению и дискредитации. Однако, если бы на этом мы поставили точку, осталась бы искаженная точка зрения, вкладывающая качество прочной реальности в нечто гораздо более зыбкое. Стигматизированный и нормальный являются частью друг друга; если один может оказаться в уязвимом положении, то следует ожидать, что в таком же положении может оказаться другой. Ибо, вмсняя идентичность индивидам, будь то поддающимся дискредитации или нет, более широкая социальная обстановка (setting) и ее обитатели некоторым образом сами себя подвергают риску; они ставят себя в такое положение, в котором сами могут оказаться в дураках.

Все это уже предполагалось в утверждении, что перебегание из одного состояния в другое (passing) делается иногда ради того, что внешне выглядит как забавная шутка. Человек, которому выдается редкая возможность выдать себя за другого, часто пересказывает этот забавный случай своим товарищам как свидетельство глупости нормальных, а также того, что все их аргументы по поводу его отличия от них являются не более чем рационализациями⁸. Эти ошибки идентификации вызывают у «перебежчика» и его друзей приливы радости и восторга. Похожим образом можно обнаружить, что люди, которые в некоторый данный момент как ни в чем не бывало скрывают свою личную или про-

⁸ См.: Goffman E. Asylums. NY: Doubleday And Co., Anchor Books. 1961. P. 112.

фессиональную идентичность, могут получать удовольствие, «валяя дурака» и доводя разговор с ничего не подозревающими нормальными, окружающими их, до такого состояния, когда нормальные, сами того не сознавая, вынуждены выставить себя дураками, выражая такие представления, которые присутствие «перебежчика-шулера» совершенно дискредитирует. Фальшивым оказывается в таких случаях не человек с каким-то отличием, а скорее любой и каждый из тех, кто, внезапно оказавшись в подобной ситуации, пытается поддержать принятые образцы (patterns) обращения с другим.

Но есть, разумеется, еще более прямолинейные случаи, когда угрозе подвергается даже не человек, а сама ситуация. Например, люди с физическими недостатками, вынужденные принимать от посторонних попытки проявления сочувствия или участливые расспросы, могут иногда оберегать свою тайну, прибегая к совершенно иному средству, нежели такт. Так, одноногая девушка, которую посторонние часто донимали расспросами о ее потере, придумала игру под названием «Ham and Legs»⁹, суть которой состояла в том, что она отвечала на расспросы драматически преподносимым нелепым объяснением¹⁰. Другая девушка, находящаяся в таком же положении, излагает похожую стратегию: «Вопросы о том, как это я осталась без ноги, настолько мне надоели, что я придумала готовый ответ, который отбивал у этих людей охоту расспрашивать дальше: «Я заняла немного денег в ссудном банке, а они взяли в залог мою ногу!»¹¹

Приводятся также краткие ответы, прекращающие нежеланное столкновение: «Бедная моя девочка, я вижу, ты потеряла ногу». Еще прекрасная возможность уложить на лопатки: «Да вам-то какое до меня дело!»¹²

Вдобавок к тому, есть еще гораздо менее утонченное искусство «прикидываться другим», которым пользуются воинственные члены ущемленных групп, когда во время событий общения рассказывают вы-

⁹ Персиначенно выраженное «ham and eggs» («яичница с ветчиной») в котором «eggs» («яичница») замснено на «legs» («ноги»). — Прим. перев.

¹⁰ Baker. Out On a Limb. NY: McGraw-Hill Book Co., m.d. P. 92–94.

¹¹ Henrich E. and Kriegel L. (eds.) Experiments in Survival. NY: Association For the Aid of Crippled Children. 1961. P. 50.

¹² Baker. Out On a Limb. NY: McGraw-Hill Book Co. P. 97. в: Wright D.: Physical Disability — A Psychology Approach. NY: Harper and Row. 1960. P. 212.

мышленную историю о самих себе и своих чувствах нормальным, которые неуклюже делают вид, что сочувствуют, и рассказ достигает точки, когда становится очевидно, что он был специально задуман с тем, чтобы разоблачить себя как фабрикацию.

Ледяной взгляд может, конечно, предупредить столкновение до того, как оно будет инициировано. Иллюстрацию можно взять в воспоминаниях одного агрессивного карлика: «Были толстокожие типы, выглядывавшие так, словно люди с гор спустились поглазеть на представление бродячего цирка. Были подглядывающие исподтишка, из тех, кто все делают украдкой и обычно отворачиваются, краснея, когда их за этим застают. Были и жалостливые; я так и слышал, как они прищелкивают языком, едва пройдя мимо. Но, что хуже всего, были болтуны, каждое замечание которых вполне могло бы звучать: «Как дела, бедолага?» Они говорили это своими глазами, своими манерами и тоном своего голоса.

У меня была стандартная защита — ледяной взгляд. Обезболивая себя таким образом от собрата, я мог справиться с главной проблемой: воспользоваться подземкой и остаться при этом живым¹³.

Отсюда всего один шаг до детей-инвалидов (иной раз они умудряются зверски избить человека, который их дразнит), а также до людей, вежливо, но недвусмысленно исключаемых из определенных обстановок, которые вежливо и недвусмысленно вторгаются в эти обстановки, собрав толпу себе подобных и напустив на себя решительный вид¹⁴.

Социальная реальность, корректно поддерживаемая сговорчивым членом какой-то стигматизированной категории и нормальным, будет сама иметь свою историю. Когда, например, в случае развода или ирландской этничности, некий атрибут теряет значительную часть своей силы в качестве стигмы, мы будем свидетелями периода, когда прежнее определение ситуации все более и более подвергается критике — сначала, возможно, на комедийной сцене, а потом во время смешанных контактов в публичных местах, — пока, наконец, не перестает осуществлять контроль одновременно над тем, на что можно непринужден-

но обращать внимание, и над тем, что должно держаться в тайне и мучительно обходиться вниманием.

В заключение позволю себе еще раз повторить, что стигма несет в себе не столько набор конкретных индивидов, которых можно разделить на две группы — стигматизированных и нормальных, — сколько всепроникающий двухролевой социальный процесс, в котором каждый индивид участвует в обеих ролях, по крайней мере, в некоторых связях и в некоторых сторонах своей жизни. Нормальный и стигматизированный, скорее, не персоны, а перспективы. Они порождаются в социальных ситуациях во время смешанных контактов благодаря нереализованным нормам, которые, вероятно, вертят столкновением как хотят. Пожизненные атрибуты того или иного индивида могут заставить его все время выступать в одном амплуа; он может быть вынужденным исполнять стигматизированную роль почти во всех своих социальных ситуациях, делая естественным обозначение его (как это было и у меня) как стигматизированного лица, чья жизненная ситуация помещает его в оппозицию нормальным. Однако, его конкретные стигматизирующие атрибуты не определяют природу двух этих ролей, нормальной и стигматизированной, но только частоту разыгрывания им какой-то одной из них. И поскольку речь идет не о конкретных индивидах, а об интеракционных ролях, то должно быть несудивительно, что во многих случаях тот, кто стигматизирован в одном аспекте, прекрасно проявляет все нормальные предрассудки, существующие в отношении тех, кто стигматизирован в другом.

Итак, совершенно очевидно, что взаимодействие лицом-к-лицу, по крайней мере, в американском обществе, строится таким образом, что особо тяготеет к тому типу затруднений, который рассматривается в этом очерке. Кроме того, представляется, что расхождения между виртуальной и актуальной идентичностью будут возникать всегда и всегда будут порождать потребность в управлении напряженностью (что касается дискредитированного) и в контроле над информацией (что касается поддающегося дискредитации). И если стигмы очень зримы или навязчивы, либо могут передаваться по семейной линии, то возникающие отсюда нестабильности во взаимодействии могут оказывать очень глубокое воздействие на тех, кому досталась стигматизированная роль. Однако ощущаемая нежелательность *конкретного* личного свойства с его способностью запустить процессы актуализации стигмы и нормы

¹³ Viscardi. A Man's Stature. P. 70. Wright D. Physical Disability — A Psychology Approach. NY: Harper and Row, 1960. P. 214. О похожих методах, используемых человеком с протезами рук, см.: Russell H. Victory In My Hands. NY: Creative Age Press, 1994. P. 122–123.

¹⁴ Эксперимент с таким содержанием описывается в: M. Kohn and R. Williams, Jr. Situational Patterning in Intergroup Relations // American Sociological Review, XXI (1956). P. 164–174.

имеет собственную историю, которая регулярно меняется целенаправленным социальным действием. И хотя можно утверждать, что процессы актуализации стигмы, видимо, имеют общую социальную функцию — функцию, благодаря которой общество заручается поддержкой тех, кого оно не поддерживает, — и в соответствующей степени, должно быть, противятся изменению, необходимо понимать, что здесь, по всей видимости, кроются и дополнительные функции, которые заметно варьируются в зависимости от типа стигмы. Стигматизация людей с отраженной в документах скверной моральной репутацией явно может функционировать как орудие формального социального контроля; стигматизация людей, принадлежащих к определенным расовым, религиозным и этническим группам, совершенно явно функционировала как средство удаления этих меньшинств из различных сфер конкуренции; а обесценение лиц с физическими недостатками можно, наверное, истолковать как вносящее вклад в необходимое ограничение решений об уходе за ними¹⁵.

Перевод В.Г. Николаева

¹⁵ Последним предположением я обязан Дэвиду Матце.

КАФЕДРА

Э.А. ОРЛОВА

НАУКА О КУЛЬТУРЕ, ЕЕ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

1. Факторы, обусловившие выделение культурологии в самостоятельную область познания

Изучение культуры в XX веке постепенно трансформировалось из академического познания в необходимую компоненту практической деятельности. В настоящее время во всех развитых странах культурные переменные начинают включаться в структуру выработки и реализации практически каждого социально значимого решения, подобно тому, как это было с экономикой, а после Второй мировой войны — с социологией.

Современная экономическая политика строится на базе не только социального, но и культурного расслоения общества, не только экономических, но и культурных особенностей групп интересов. В организационных структурах принимается во внимание влияние информационных связей на формально ролевые; все более входит в обиход понятие «культура организации». В рамках локального управления применяются социокультурные технологии, связанные с активизацией участия граждан в совершенствовании собственного качества жизни. На уровне международной политики обычной практикой становится пристальное внимание к культурной специфике стран-участниц межнациональных отношений, к ее влиянию на формы таких отношений. Есть все основания утверждать, что научное и прагматичное знание о культуре стало сегодня социально необходимой компонентой «картины мира», и Россия не является исключением.

Орлова Эльна Александровна — доктор философских наук, профессор, заведующая лабораторией социальной политики НИИ семьи и воспитания РАО.